

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

О т р е д а к ц и и. На страницах китайского лингвистического журнала «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), являющегося совместным органом Института языковедения Китайской Академии наук и Комитета по реформе китайской письменности, с 1952 г. широко обсуждается вопрос о частях речи в китайском языке. Этот вопрос всегда был предметом споров китайских языковедов, но в последние годы дискуссия на эту тему приняла особо оживленный характер. Это вызвано тем, что языковедение в Китае под влиянием работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения» стремится опираться на положения марксистской науки о языке, при вступлении же на путь такой перестройки стало особенно ясно, что от того или иного решения вопроса о частях речи зависит все построение грамматики китайского языка.

Советские языковеды не могут не интересоваться работой своих китайских коллег, и это само по себе обязывает журнал «Вопросы языковедения» давать о ней сообщения. Ввиду этого редакция и решила опубликовать в переводе некоторые статьи китайских лингвистов, представляющих различные течения в вопросе о частях речи. К тому же редакция полагает, что поскольку вопрос о частях речи в языке такого строя, как китайский, далеко выходит за пределы собственно китайского языковедения, постольку такие статьи представят несомненный интерес для всех лингвистов, занимающихся вопросами строя языка вообще.

ГАО МИН-КАЙ

### ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Существует ли в китайском языке деление слов по частям речи — это вопрос старый, до сих пор не получивший разрешения. Несомненно, вопрос этот довольно сложен.

Дело заключается в выяснении того, что такое части речи и каким образом их следует выделять.

Сталин говорит: «Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»<sup>2</sup>. Разъясняя это сталинское положение, Галкина-Федорук в одной из статей, посвященных критике учения Марра, пишет: человеческое мышление абстрагирует, обобщает и классифицирует познаваемые явления. Одно и то же явление действительности, рассматриваемое под углом зрения вещественности, представляет собой предмет; под углом зрения присущего ему действия — является действием; под углом зрения присущих ему качеств — является свойством. В результате обобщения различных предметов получается «предметное» понятие, появляется существительное, в результате обобщения различных действий получается понятие «действия», появляется глагол, в результате обобщения различных свойств появляется понятие «качества», появляется прилагательное. Существи-

<sup>1</sup> Журн. «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), 1953, октябрь (№ 16). Перевод статьи проф. Гао Мин-кай дается с незначительными сокращениями. — *Ред.*

<sup>2</sup> И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1954, стр. 24.

тельные, глаголы и прилагательные являются результатом абстрагирующей работы мышления. Однако части речи имеются не в любом языке, они не обязательно присущи данному языку во все эпохи существования языка. В языках, имеющих части речи, классификация частей речи может не совпадать<sup>1</sup>.

После того как Ма Цзянь-чжун познакомил китайцев с грамматикой<sup>2</sup>, многие исследователи стремились классифицировать китайские слова по частям речи, полагая, что без классификации слов по частям речи не может быть грамматики, поскольку изложение западной грамматики начинается с вопроса о частях речи. К тому же с проблемой частей речи связаны многие грамматические вопросы, как, например, вопрос о различных грамматических категориях. Теоретическая подоплека такого подхода состоит в признании, что грамматики разных языков должны быть одинаковыми. Ма Цзянь-чжун изучал грамматику во Франции. Он в известной мере испытал влияние рационалистической грамматики Port-Royal, и многие исследователи в свою очередь незаметно для себя под влиянием Ма Цзянь-чжуна стали втискивать китайский язык в каноны западных грамматик.

Имеет ли китайский язык в действительности части речи — этот вопрос надо решать, исходя из внутренних законов развития самого китайского языка. Хотя проф. Ли Цзинь-си излагает китайскую грамматику по образцу «Grammaire Larousse», он имеет свою точку зрения на вопрос о частях речи: он считает, что у китайских слов нет постоянной отнесенности к определенной части речи<sup>3</sup>. Однако многие не согласны с такой точкой зрения, поскольку она не соответствует установкам западных грамматических работ. Проф. Ван Ли воспринял теорию О. Есперсена и отграничил от проблемы частей речи проблему «разрядов» (ranks) слов, полагая, что части речи существуют в словаре и определяются по значениям слов, «разряды» же представляют собой функции слов в предложении и определяются по позиции слов в предложении<sup>4</sup>. Эта точка зрения неверна. Однако проф. Ли Цзинь-си и проф. Ван Ли поставили перед нами вопрос: возможно ли разграничивать части речи в китайском языке таким же образом, как в индоевропейских языках. После выхода работ Ли Цзинь-си и Ван Ли многие исследователи высказывали мнение, что в китайском языке нет частей речи. После того как в прошлом году в «Чжунго юйвэнь» была опубликована статья советского ученого Конрада «О китайском языке»<sup>5</sup>,

<sup>1</sup> См. Е. М. Галкина-Федорук, Критика учения Н. Я. Марра о членах предложения и частях речи, сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. II, М., 1952, стр. 380—381. (Автор дает не цитату, а пересказ соответствующего места статьи Е. М. Галкиной-Федорук.—В. С.)

<sup>2</sup> Грамматика Ма Цзянь-чжуна (Ма ши вэньтун) появилась в 1898 г. и занимает особое место в истории китайской грамматической науки: это — первая в Китае попытка построения грамматики китайского языка на основе принципов грамматики западно-европейских языков; следовательно, это — первая попытка классифицировать слова китайского языка по частям речи. Следует, однако, отметить, что попытка Ма Цзянь-чжуна относится не к современному языку, а к письменному-литературному, старому книжному языку, грамматический строй которого, отражающий особенности строя китайского языка на древнем этапе его истории, во многих чертах отличен от современного национального литературного языка Китая.—В. С.

<sup>3</sup> Проф. Ли Цзинь-си уже изменил свои взгляды, см. «Чжунго юйвэнь», 1953, сентябрь, стр. 10—11 (прим. ред. журн. «Чжунго юйвэнь»).

<sup>4</sup> Изложение учения Ван Ли см. в его работе «Чжунго вэньфа лилунь» («Теория китайской грамматики»). Изложение теории Есперсена см. в его «Философии грамматики» (O. Jespersen, The philosophy of grammar). [См. также другую работу проф. Ван Ли (Ван Ляо-и) — «Чжунго юйфа ганью» («Основы китайской грамматики»), изданную в русском переводе (М., 1954).—В. С.]

<sup>5</sup> См. «Чжунго юйвэнь», 1952, сентябрь, октябрь и ноябрь [перевод статьи Н. И. Конрада «О китайском языке» (ВЯ, 1952, № 3).—В. С.]

взгляды исследователей вновь изменились: они стали считать, что в китайском языке существуют части речи.

Сталин говорит: «Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой „природной материи“ — не существует... Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка»<sup>1</sup>.

Если в свете этих слов критически оценить теорию Есперсена и Ван Ли, то станет понятной ошибочность точки зрения, согласно которой части речи могут быть установлены по значениям слов. Конечно, форма и значение связаны между собой. Неверно учитывать только форму и не учитывать значения. Но было бы ошибкой полагать, что оголенное значение может существовать без какой бы то ни было формы. Многие считают, что китайские слова *шань* «гора»<sup>2</sup>, *шуй* «вода», *юй* «рыба», *жэнь* «человек» и т. д. являются существительными, поскольку эти слова своим значением указывают на «предметы»; слова же *фачжань* «развиваться», *ходун* «действовать, двигаться» и т. д. являются глаголами, поскольку эти слова своим значением указывают на «действия».

Мы уже говорили, что Галкина-Федорук определяет части речи как результат обобщения нашим мышлением многих явлений в одну категорию. Кроме того, Галкина-Федорук указывает: «О частях речи можно говорить тогда, когда у них появляется оформление»<sup>3</sup>. В словах *шань* «гора», *шуй* «вода», *юй* «рыба», *жэнь* «человек» и т. д. мы не можем обнаружить никакой части их звуковой формы, которая говорила бы нам, что эти слова относятся к категории существительных. У них совершенно отсутствуют какие-либо специальные формы, указывающие на их значения как существительных. Слова *шань* «гора», *шуй* «вода», *юй* «рыба», *жэнь* «человек», конечно, имеют значения, но эти значения указывают лишь на то, что данные слова обозначают именно «гору», именно «воду», именно «рыбу», именно «человека», но они отнюдь не указывают на то, что эти слова суть существительные. Необходимо помнить, что для признания таких слов существительными к значениям «гора», «вода» и т. д. должно быть присоединено еще значение «существительного», а чтобы ясно было, что эти слова суть существительные, нужна форма, которая специально указывала бы на их значение как существительных. Однако такая форма отсутствует в китайском языке. Если слово является существительным, одно должно иметь специальную форму существительного подобно тому, как английские существительные имеют на конце *-ment*, *-ship*, *-tion* и т. д. Конечно, в таком языке, как английский, вследствие утраты части форм некоторые слова, например *fire*, *book*, *love* и т. д., могут употребляться и как существительные, и как глаголы. Языковеды считают, что такие слова не могут считаться принадлежащими к какой-либо части речи. Однако поскольку в английском языке данное явление не всеобщее, мы отнюдь не отрицаем на этом основании наличия частей речи в английском языке; точно так же мы не считаем английский язык односложным на основании наличия в нем некоторого количества односложных слов.

Значит ли это, что люди, говорящие на китайском языке, не имеют понятия существительного? Нет, не значит. В китайском языке имеются слова *мин* «имя, название», *у* «вещь», *минцы* «существительное» и т. д.

<sup>1</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

<sup>2</sup> Русские значения китайских слов, приводимых автором, даны нами. — В. С.

<sup>3</sup> См. Е. М. Галкина-Федорук, указ. соч., стр. 373. (Приведенное проф. Гао высказывание — не собственная мысль Е. М. Галкиной-Федорук, а мысль Н. Я. Марра, изложенная Е. М. Галкиной-Федорук. — В. С.)

Это показывает, что у людей, говорящих на китайском языке, имеются такие понятия.

Дело заключается в том, что эти понятия выражены не за счет форм грамматики, а лишь средствами лексики. Неприемлемость учения Ес-персена и Ван Ли очевидна. И вот сейчас многие исследователи, следуя за Конрадом, обратились к форме, чтобы решить вопрос о частях речи в китайском языке, исходя из формы. Они считают, что хотя в китайском языке нет именных суффиксов (подобных английским *-ment*, *-ship*, *-tion* и т. д.), однако слова китайского языка обладают изменением формы: китайский язык различает части речи за счет музыкальных тонов.

Изменение формы в узком смысле есть выражение разными словами за счет их различных форм разных грамматических категорий. Эти грамматические категории (в узком смысле) принадлежат разным частям речи (например: род, число, падеж существительных, лицо, наклонение, вид глаголов и т. д.). Если налицо специфические изменения формы, которыми может обладать определенная часть речи, то данная часть речи существует, поскольку такое изменение есть форма. Английские существительные и глаголы в ряде случаев не имеют специальных именных или глагольных суффиксов, однако они изменяются по числам и другим грамматическим категориям. Поэтому английский язык обладает частями речи.

Если мы можем обнаружить изменения формы у китайских слов, то в таком случае следует признать, что в китайском языке имеются части речи. Весь вопрос в том, существует ли у китайских слов изменение формы, выражают ли китайские музыкальные тоны различия между частями речи? Объем морфологии, вообще говоря, довольно широк. Образование слов также иногда производится за счет формы. Например, английское слово *construct* является глаголом. Если к нему прибавить *re-* (*reconstruct*), то значение слова изменится. Приставка *re-* образует форму. Однако оба слова попрежнему являются глаголами. Прибавление *re-* не оказывает влияния на разграничение частей речи.

В китайском языке, конечно, тоже имеется форма. Прибавление к слову *баймянь* «белая мука» → «белый порошок» суффикса *эр* образует слово *баймяр*<sup>1</sup> «героин». *Эр* образует форму. Но прибавление этого суффикса не относит слово к другой части речи. Для того чтобы изменения формы могли влиять на разграничение частей речи, требуются такие формы, которые вызывали бы изменения грамматических категорий (в узком смысле). И вот некоторые исследователи стали считать, что наличие после слова *во* «я» — *мынь* (суффикс коллективной множественности слов, обозначающих лиц. — В. С.), перед словом *тунчжи* «товарищ» — *нюй* «женщина», после слова *цзоу* «идти» — *чжо* (суффикс так называемого продолженного вида. — В. С.), после слова *фуцин* «отец» — *ды* (так называемый атрибутивно-именной суффикс. — В. С.) свидетельствует об изменении формы. Однако в действительности такой подход является слишком упрощенным.

«Морфология» — это, собственно говоря, общий термин. Мы имеем «морфологию природы», «морфологию общества», «морфологию психики», «морфологию мышления» и т. д. Морфология имеет дело с внешним обликом соответствующих явлений. Форма и сама вещь неотделимы друг от друга, поскольку форма представляет собой внешний облик этой вещи. Слова индоевропейских языков морфологически оформлены, поскольку в этих языках грамматические элементы неотделимы от корня и образуют его

<sup>1</sup> Суффикс *эр* фоветически сливается с последним слогом *мянь* в один слог *мяр*. — В. С.

форму. Даже в сравнительно ранних индоевропейских языках, таких, как санскрит, латинский, греческий, невозможно обнаружить самостоятельные существующие корни. Форма имеет свой специфический облик, но она неотделима от корня, а корень в свою очередь неотделим от формы.

В латинских словах *lego* «я читаю», *legis* «ты читаешь», *legit* «он читает» корень и форма слиты воедино. Мы не найдем самостоятельно существующий корень *leg-*. Современные индоевропейские языки претерпели изменения, некоторые формы в них отпали. Например, в латинском языке существительные имеют падежные формы, а во французском языке, развившемся из латинского, не имеют. В латинском языке именительный падеж — *liber* «книга», родительный — *libri* «книги». Французский же язык для выражения отношений принадлежности пользуется предлогом *de* (*du livre* = *de le livre*).

В «Большой советской энциклопедии» в статье «Грамматика» говорится, что *de* во французском языке не является формой падежа. Во французском языке у существительных нет падежей. Почему? Потому что *de* не есть нечто неотделимое от слова *livre*; *de* всего лишь грамматическое средство, выражающее грамматическую функцию, или служебное слово. В китайском языке *что*, *мысль*, *ды* и т. д. являются аналогичными элементами языка.

«Корень» в китайском языке может существовать самостоятельно. Эти же элементы *что*, *мысль*, *ды* и т. д., которые служат для выражения грамматической функции, отнюдь не обязательно слиты воедино с корнем. Можно сбходиться и без них, можно их заменять, можно различными способами передавать мысль (например, *жэньмынь* «люди» можно заменить на *сойдо жэнь* «много людей»). Поэтому-то Чикобава в своей последней работе «Введение в языкознание» относит китайский язык к корневым языкам (многие называют такие языки изолирующими) и пишет: «К типу корневого языка близок китайский. Слова в нем не склоняются и не спрягаются. Однако имеются частицы с функцией вспомогательных слов и аффиксов словообразования. Решающую роль в построении фразы (предложения) играет порядок слов»<sup>1</sup>.

Но могут ли изменения музыкального ударения (тона) свидетельствовать о наличии частей речи в китайском языке? Сторонником точки зрения, что изменение тона есть показатель изменения принадлежности слова к части речи, является шведский синолог Б. Карлгрен.

Еще в моей работе «Ханьюй юйфа лунь» («Грамматика китайского языка») я подверг резкой критике теорию Карлгрена<sup>2</sup>. Однако сейчас еще многие разделяют точку зрения Карлгрена и считают, что в китайском языке различия между частями речи выражаются за счет тоновых различий. Выражение различных грамматических функций за счет тоновых различий — это, по сути дела, явление морфологическое. Поэтому сторонники данной теории и признают наличие в китайском языке морфологии и частей речи. Мы отнюдь не отрицаем, что тоновые различия, например, превращение *xāo* (первый тон) в *xào* (четвертый тон), играют словоразличительную роль, однако роль тоновых изменений состоит не в разграничении частей речи, а в разграничении значений слов. *Xāo* (первый тон) имеет значение «хороший», *xào* (четвертый тон) имеет значение «любить»: различны именно значения слов.

Если бы в китайском языке после изменения тонировки слова значение слова осталось бы тем же, но изменилась бы отнесенность к части речи, то мы могли бы сказать, что роль тоновых изменений заключается

<sup>1</sup> А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., 1952, стр. 183.

<sup>2</sup> Гао Мин-кай, Ханьюй юйфа лунь, стр. 45—48.

в разграничении частей речи. Однако в китайском языке изменение тона вызывает изменение именно значения слова.

Тон, который изменяется с изменением значения слова, может не меняться при употреблении слова в роли так называемых разных «частей речи». Например, в выражении *ta xǎo shu* «он любит книги» *xǎo* имеет так называемое «глагольное» употребление и произносится в четвертом тоне. В выражении *dō zhěny jǐn xǎo* «лишать людей добра» *xǎo* имеет так называемое «именное» употребление, но произносится также в четвертом тоне.

В некоторых случаях разные значения, выявляемые разными тонами, могут оказаться в одной категории. Например, у слов *chūn* «кузнечик, саранча» и *chūn* «насекомое, червяк» (берется древнее произношение)<sup>1</sup> и тон, и значение различные, но оба эти слова являются так называемыми «существительными». Деривация (отпочкование) значений — распространённое явление. От *xào* со значением «хороший» отпочковалось значение «любить» так же, как от *ji* со значением «солнце» отпочковалось значение «день»; от *hǎi* со значением «море» отпочковалось значение, с которым *hǎi* входит в выражение *hǎiwǎn* «большая чаша».

Однако никто не считает, что два разные *ji* и два разные *hǎi* являются разными частями речи. Почему же тогда считают, что два слова *xào*, обладающие разными тонами, являются разными частями речи? Дело в том, что те, кто рассматривают тоновые изменения как изменения грамматической формы, исходят из значений. *Xào* со значением «хороший» большей частью употребляется для характеристики определенных явлений, почему и считают, что это слово — прилагательное; *xào* со значением «любить» большей частью употребляется для сообщения о каком-либо деле, почему и считают это слово глаголом. В результате же признают, что тоновые различия служат для разграничения частей речи. Но Галкина-Федорук уже указывала нам, что одно и то же явление можно оценивать под разными углами зрения и обобщать его, образовывать понятие и часть речи в зависимости от подхода.

К одному и тому же явлению, обозначенному словом *цзоу* «идти», мы можем подойти с точки зрения сообщения о том, что человек «идет», и признать в этом случае слово *цзоу* глаголом, можем также рассматривать *цзоу* как некий факт и в этом случае признать слово *цзоу* существительным.

В английском языке слово  *speak*  по своему словарному значению соответствует слову *шо* «говорить». Когда мы сообщаем, что какой-либо человек говорит, мы рассматриваем это слово как глагол. Мы говорим *he speaks*. Когда мы разьясняем, что же такое «говорить», мы рассматриваем это слово как существительное, оно обязательно принимает форму существительного. Мы говорим *his speech is over* «его речь окончена», *to speak is not to lie* «говорить не значит лгать», *speaking is easier than hearing* «говорить легче, чем слушать». Здесь словарное значение совершенно не меняется, но форма слова как части речи изменилась.

В китайском языке *xǎo* (первый тон) и *xào* (четвертый тон) — это два слова с разными значениями. Эти разные значения связаны только потому, что одно из них является производным от другого. Многие исследователи, упустив из виду, что у этих слов имеются разные значения, подходят к делу только с точки зрения возможности отнести эти разные значения к той или иной части речи. Они незаметно для себя оказались под влиянием учения Есперсена и Ван Ли и, исходя из значений, стали считать, что смыс-

<sup>1</sup> В русском тексте дано современное звучание. Б. Карлгрен дает для древнего языка соответственно *i'íng* (чжун) и *d'íng* (чун) (См. В. Карлгрен, *Grammata Sérica*, Stockholm, 1940). Возможно, проф. Гао пользовался иным источником. В. С.

ловые различия и составляют различия между частями речи. Сначала они предположили, что в области семантики существуют разные части речи, а затем наделили тоновые различия функцией носителей признака принадлежности к той или иной части речи. Однако эти различия являются только смысловыми. Смысловые различия могут иметь место и при отсутствии тоновых изменений. Это наблюдается при отпочковании новых значений. *Шу* имеет значение «лес, роща» и значение «поставить, водрузить, установить». Но мы не утверждаем на этом основании, что первое *шу* — существительное, а второе *шу* — глагол, поскольку *шу* со значением «лес, роща» может употребляться и как прилагательное, и как глагол.

Иногда значение само по себе допускает отнесение его только к одной части речи. Например, от значения слова *май* «муравей» не может быть произведено значение действия, но это отнюдь не говорит за то, что слово *май* существительное, поскольку «отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения»<sup>1</sup>.

Поскольку части речи называются категориями, они должны иметь категориальный характер и обладать общей формой. Но такая общая форма не существует в китайском языке. Конечно, такая общая форма совершенно не обязательно должна быть всегда одной и той же. В английском языке *-ment* является суффиксом существительных, но и *-ship* также — суффикс существительных.

Иногда у слов может иметься только нулевая форма. Например, у английского слова *book* нет специального выражения какой-либо формы. Однако поскольку этой форме противостоит в качестве множественного числа форма *books*, постольку *book* выступает как форма единственного числа.

Могут сказать, что к *лай* «приходить» могут быть присоединены только *ла*, *чжо*<sup>2</sup>, к *фань* «пища» может быть присоединено только *идунь*<sup>3</sup>. Однако в действительности к словам типа *лай* могут быть также присоединены служебные слова и помимо так называемых связанных с глаголами: *лай-и-лай* «приходить»; *пай иго лайжэнь* «послать посыльного» (дословно: «послать одного приходящего человека»). Когда то или иное служебное слово не может быть присоединено, это явление следует рассматривать в аспекте семасиологии. Например, невозможно соединить слова *ню* «корова» и *лэй* «гром» в сочетании *ню лэй*; слово *хэ* «пить» нельзя сочетать со словом *фань* «пища» в выражение *хэ фань*. Но это не вопрос принадлежности к части речи, а вопрос смысловой сочетаемости слов. Сочетание *лай* с *ла* отнюдь не свидетельствует о том, что *лай* является глаголом, поскольку в предложении *лайлады бу яо цзоу* «пусть не уходят пришедшие» *лайла* уже не является глаголом. К *лай* потому можно присоединить *ла*, что *лай* и *ла* в смысловом отношении могут сочетаться.

А. С. Чикобава в своей упомянутой выше работе пишет: «Как понимается один и тот же звуковой комплекс в различных сочетаниях, об этом можно судить на примере китайского слова *хао*: *хао жэнь* „хороший человек“; *сью хао* „делать добро, давать милостыню“; *цзю хао* „старая дружба“; *хао гуй* „очень дорогой“...»

<sup>1</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

<sup>2</sup> Глагольные суффиксы.— В. С.

<sup>3</sup> Числительное плюс так называемый аффикс единичности.— В. С.

Таким образом, *hao* в различном положении и с различной интонацией может значить: „хороший“, „очень“, „добро (милостыня)“, „дружба“, „любить“, т. е. оно выступает в функции то имени прилагательного, то наречия, то имени существительного, то глагола, не являясь, конечно, морфологически ни одной из этих частей речи (в обычном понимании)<sup>1</sup>.

В этих словах заключены следующие важные мысли: 1) у китайских слов нет форм, присущих частям речи (значит, в языке нет и частей речи); 2) соответствующий тон может изменить значение слова (т. е. роль тонов состоит в различении значений); 3) слова с разным значением в разных синтаксических конструкциях выполняют функции разных частей речи, но не имеют форм частей речи.

Иначе говоря, если брать отдельные слова, то они не различаются по частям речи, и роль тонов состоит в разграничении значений; если учитывать место слова в предложении, то приходится констатировать, что китайские слова только выполняют функции разных частей речи, но не имеют форм частей речи, т. е. китайский язык ни в коей мере не имеет подлинных частей речи.

Когда говорят о так называемых частях речи, то, естественно, имеют в виду только «вещественные слова».

Но существует различие между вещественными и служебными словами (или частицами, или вспомогательными словами), и отрицать это различие невозможно.

Сталин говорит, что грамматика «...определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения...»<sup>2</sup>. Классификация по частям речи есть классификация строительного материала языка — слов. В языке же, помимо этих вещественных слов, имеются еще частицы, или служебные слова, или вспомогательные слова, которые употребляются как грамматические средства.

Эти частицы, или служебные, или вспомогательные слова, коренным образом отличаются от обычных вещественных слов. Вещественные слова — это строительный материал языка, являющийся объектом изучения семасиологии. Частицы, или служебные, или вспомогательные слова — это грамматические средства, составляющие объект изучения грамматики. Эти грамматические элементы именно потому и называются частицами, или служебными, или вспомогательными словами, что они не являются формой слова и не соединяются тесно с корнем. Однако они не являются и вещественными словами. Они лишь служат для выражения грамматических отношений.

Эти частицы, или служебные слова, или вспомогательные слова, конечно, существуют и в предложении, располагаясь либо перед, либо после вещественных слов. Некоторые исследователи на этом основании ошибочно принимают их за форму. Необходимо помнить, что если все грамматические элементы, стоящие до или после слов вещественных, рассматривать как форму, то в таком случае формой являются все грамматические элементы и незачем делить языки на изолирующие, агглютинативные и флективные.

Поэтому, утверждая, что китайские слова не различаются по частям речи, мы отнюдь не считаем, что в китайском языке нет различий между словами вещественными и служебными. Мы лишь утверждаем, что в китайском языке вещественные слова не разграничиваются на существительные, глаголы, прилагательные, наречия.

<sup>1</sup> А. С. Чикобава, указ. соч., стр. 183.

<sup>2</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что имеются следующие четыре причины признания многими исследователями частей речи в китайском языке.

**В о - п е р в ы х**, они полагают, что если не признавать частей речи, то это создает впечатление, что китайский язык находится на низкой степени развития. Мотив весьма похвален, но утверждение не соответствует фактам. Более того, подобная аргументация, по сути дела, является признанием отдающей расизмом теории деления языков на передовые и отсталые. Чтобы установить, является ли язык передовым или отсталым, совершенно недостаточно наличия или отсутствия частей речи.

Пусть китайский язык и не имеет частей речи, но говорящие на китайском языке имеют понятия о предметах, действиях, качествах. Эти понятия передаются средствами словаря, но не формами грамматики. Если обратиться к развитию языков, то мы увидим, что первоначальные флексии индоевропейских языков к настоящему времени значительно упростились. В латинском языке у существительных имелись падежи. Французский же язык для выражения падежа пользуется только вспомогательным словом *de*. Но это не говорит о том, что французский язык регрессировал по сравнению с латинским. Чикобава пишет: «... древнекитайский язык не был лишен аффиксов (он был языком агглютинативным); если в современном китайском языке не имеется аффиксов (словоизменения), то это результат долгого развития, но отнюдь не начало развития»<sup>1</sup>

Морфологическая классификация языков (изолирующие, агглютинативные и флективные) была заложена немецким лингвистом начала XIX в. Ф. Шлегелем. Ошибка Шлегеля состояла не в том, что он разбил языки на такие типы, а в том, что он этой классификацией иллюстрировал стадии в развитии языков.

Усвоив учение Шлегеля, Марр перекрасил его и выдвинул теорию языковых стадий. Многие исследователи китайского языка также испытали влияние учения Шлегеля. Они опасаются, что отрицание морфологии и частей речи в китайском языке унизит китайский язык. Однако общее языкознание уже доказало, что различная типология языков свидетельствует только о специфических чертах языка и не является критерием его развитости или отсталости. Отсутствие частей речи в китайском языке — это его специфическая черта. Эта особенность позволяет китайскому языку гибко использовать свои слова, создает специфический художественный стиль китайского литературного языка. У нас нет ни оснований, ни необходимости утверждать, что в китайском языке обязательно должны быть части речи.

**В о - в т о р ы х**, эти исследователи признают наличие частей речи, так как исходят из семантики. Они не учитывают, что оголенных значений, лишенных языковой «природной материальной» формы, не существует. Раз в китайском языке нет специфической формы для разграничения частей речи, то, следовательно, китайские слова не различаются по частям речи.

**В - т р е т ь и х**, они признают наличие частей речи, так как считают, что в китайском языке имеется форма. Они не понимают ясно, что такое форма. Они считают, что все грамматические элементы, следующие за корнем или предшествующие ему, являются формой. В действительности же *что, бы, ла* и т. д. — это лишь грамматические средства, служебные слова. Но не форма. Они по своей природе отличны от формы.

<sup>1</sup> А. С. Чикобава, указ. соч., стр. 189.

В - ч е т в е р т ы х, они признают наличие частей речи, так как в китайском языке имеются изменения тонов. Они не учитывают того, что тоновые изменения свидетельствуют о различиях в значении и поэтому считают, что тоновые изменения влекут за собой различия между частями речи. Тем самым они попрежнему исходят из семантики и попрежнему попадают в болото идеализма.

На основании вышеизложенного мы можем определенно заявить, что китайские слова не различаются по частям речи. Поэтому при изучении китайской грамматики не следует подражать западным грамматикам и брать части речи за исходный момент. При изучении грамматического строя китайского языка необходимо опираться на принципы сталинского языкознания, следовать особенностям китайского языка и идти самостоятельным творческим путем.

Перевел *В. Солнцев.*